

УДК 785:929(470)
ББК 85.318(2)6-8
Н49

Нельсон, Ирина.

Н49 Люблю / Ирина Нельсон. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Современная биография).

ISBN 978-5-17-133615-8

Меня зовут Ирина Нельсон. Многие меня знают как «ту самую из группы REFLEX», кто-то помнит меня как «певица Диана».

Перед вами мой роман-автобиография. О том, как девочка из сибирской провинции, став звездой, не раз «взорвала» огромную страну своими хитами: «Сойти с ума» и «Нон-стоп», «Танцы» и «Люблю», придя к популярности и славе, побывала в самом престижном мировом музыкальном чарте, пожала руку президенту США и была награждена президентом России.

Внешняя моя сторона всем вам известна — это успешная певица, побывавшая на пике славы. А внутренняя сторона до сих пор не была известна никому. И в этой книге вы как раз и узнаете обо всем.

Я была обласкана миллионами и в то же время пережила ложь и предательство.

И это моя история о том, как я выросла через ошибки и любовь, жестокость и равнодушие, зависть, бедность и собственные комплексы и вышла из всех этих ситуаций с помощью познания силы любви и благодарности.

УДК 785:929(470)
ББК 85.318(2)6-8

ISBN 978-5-17-133615-8

© Текст. Ирина Нельсон, 2020
© Фото. Татьяна Пучкова, @ivaphoto, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2020

Огромная искренняя благодарность
Сергею Сухову и Вячеславу Тюрину, которые
вдохновили меня на написание этой книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие мои читатели.

Вся моя жизнь иногда мне кажется большим ярким сном, в котором для меня слилось все в одной сплошной яркой палитре. Конечно же, это REFLEX, это сцена, это моя йога и вегетарианство и мой проект Life108, это фантастически яркая и сочная Индия и строгая и неприветливая Америка, это мой муж, мой композитор, продюсер Вячеслав Тюрин, мои мама и папа и мое детство в провинции Сибири и философия этой жизни, опыт и знания, данные мне в ходе этого увлекательного путешествия, которое все еще продолжается. Я поделюсь этим всем с вами здесь. И это не автобиография поп-певицы.

Если уж совсем честно, если бы не книга, то я никогда не рассказала бы никому, ни одному СМИ, ни одному журналисту то, что вы здесь прочтете.

В ней я перескажу вам страницы своей жизни, стараясь на чем-то останавливаться достаточно подробно, чтобы в истории обо мне не осталось больше каких-то кривых зеркал и белых пятен.

Вся моя жизнь — в быстрой перемотке. Что-то пропущу, проскочу, ибо невозможно настолько полно все рассказать, что-то вспомню более подробно просто потому, что так сложится в ходе пересказа, а не потому, что это важнее чем-то.

То, что вы прочтете, — это не эмоции. Это просто моя жизнь. Ровно такая, как была. А жизнь — это не сахарный пряник. Никогда так не бывает: одному больше синяков и шишек, другому — пирогов и пышек. У всех всегда в жизни присутствует и то и другое. Просто в разных пропорциях. Life is life.

И не нужно потом будет искать какую-то информацию о моей жизни и обо мне где-то в прессе или в Wiki. Вот она — перед вами. Моя книга, в которой я все рассказываю сама.

Моя жизнь дана мне для того, чтобы, приобретя весь этот бесценный опыт, взглянуть на неё с высоты птичьего полета, чтобы ответить на вопрос, который, будучи маленькой девочкой, я задавала сама себе, смотря на звезды в небе, я спрашивала: «А кто же я!? Почему я родилась на этой земле? Для чего все это?» И я нашла ответы на все эти вопросы!

Маленькая девочка с гигантскими крыльями, я обнимаю ими всех без конца и края.

Мои крылья — это мой опыт. Опыт, накопленный в течение жизни.

И я просто рассказала вам о нем.

И всему, что вы узнаете из этой книги, всем и всему, что в моей жизни было, я благодарна. Честно. Всем и всему.

Без исключения!

Л Ю Б Л Ю

ИРИНА НЕЛЬСОН

ПРОЛОГ

Черный город, черный асфальт, черные струи дождя...

Скорость — даже где-то на кончиках пальцев.

Кажется, что даже свет уличных фонарей и фар встречных машин — черный.

Я мчу вперед по практически пустынной трассе и стараюсь не смотреть в зеркало заднего вида.

Он мчит за мной. Он — за моей спиной. Он в двух метрах от моей машины.

Я выжимаю газ — **100!**

Он не отстает. Он гонится за мной, словно ничего не изменилось, словно моя машина сейчас еле-еле плетется. Он гонится за мной — неумолимо, упорно, словно привязанный невидимым стальным тросом — и это я тяну его за собой, сама, своими руками тяну за собой!

120!

Цифры на спидометре меняются мгновенно. Тот, кто за мной, следует по пятам. Его машина виляет на мокрой дороге, старательно объезжает лужи, словно он боится воды. И от этих виляний меня продирает по коже мороз: он успевает объезжать лужи. На самом деле он не торопится, совсем не торопится, эта скорость для него — ничто! Он играет со мной, как кошка с мышкой.

150!

Машину резко дергает вперед. Я попадаю передним колесом в выбоину на дороге — машину встряхивает, я клацаю зубами, а вода из лужи обдаёт стекло мутной пеленой.

Тот, кто преследует меня, отстаёт — но лишь на секунду. И вновь набирает скорость — плавно, будто огромная грозовая туча, гонимая ветром.

180!

Свет уличных фонарей превращается в сплошные белые линии. Встречные машины — лишь всполохи фар на мгновение. Мой преследователь — черное пятно в черном «додже». Я не вижу его лица, но я понимаю, я чувствую, я ощущаю его.

200!

Я вцепляюсь в руль так, что костяшки пальцев белеют. Я не могу вздохнуть — мне кажется, что я ощущаю, как ветер ударяется в лобовое стекло и сбивает мне дыхание.

Машина за мной не отстаёт. Она больше не объезжает лужи — она мчится за мной, как стрела, посланная из лука.

Я бросаю взгляд на сотовый телефон, который валяется на соседнем сиденье. Но кому я буду звонить? Что я скажу? И как я это сделаю? Тогда мне придется притормозить, на минуту сбросить скорость. Но, может быть, мой преследователь того и ждет? Ждет, когда я обращусь за помощью, и тогда сможет захватить меня врасплох?

220!

Как сакраментальные цифры на розетке, как слова из всем вам известной песни REFLEX'a, которые написал мой любимый, — и словно ток пронзает меня от головы до пят. Мне кажется, что я прохожу сквозь плотную ткань, занавесь, которая до этого скрывала меня от всего мира — или мир от меня. И эта ткань сейчас рвется, расползается — машина пронзает её, унося меня прочь от преследователя.

Где он? Я боюсь взглянуть в зеркало заднего вида. Или же... нет, я не боюсь этого делать, нет! Я не хочу, просто не хочу! Впереди меня — бесконечная дорога, надо мной — звездное небо и свет фонарей, в моих руках — руль... Мотор в машине — как огромное беспокойное сердце, и в такт его биению пульсирует и моя кровь, струится по венам, как бурные реки...

Где он? Я не вижу его — но я знаю, что он там. Он там — в темноте и черноте ночи. Ему нужна я, только я, нужна была все эти годы — а он просто ждал и выжидал. Ждал, когда я появлюсь на этой дороге — ночью, одна, не подозревая, что он сидит там, в темноте.

Где он?

Где?

Я снова выжимаю педаль газа...

Мокрый асфальт, потоки воды на лобовом стекле, слепящий свет фар — и огромная фура, неумолимо возникающая из дождя и ночи.

И скрежет металла, и осколки мечтаний и надежд — и я, падающая, падающая, падающая в воду, в воду без конца и края, без верха и низа, в воду, которой стало все вокруг, — и все стало этой водой...

Это началось, когда группа REFLEX была на самом пике своей популярности.

2006 год...

Именно тогда меня стали преследовать странные образы из прошлого.

Они копошились, мельтешили, толкались, буквально не давая мне покоя. Все это — то, что тогда творилось в моей голове, подчас странное и пугающее, — вы и можете увидеть в клипе «Я разбила небо».

Это было темным, обволакивающим, я проваливалась куда-то — как Алиса в сказке — и падала, падала, падала...

И для того чтобы просто разобраться в себе, я стала вести дневники.

Мне часто мерещилось, что я падаю в воду — мутную, холодную воду, которая не отпускает, не дает выплыть, не дает даже шанса на вдох. И из прошлого, из моего давнего детского прошлого пришло воспоминание о колодце. О зиме, холоде, тяжелых ведрах — и том, кто сидит в колодце.

Каждый случай из моей жизни, о котором я вспоминала, который появлялся на страницах дневника, неуловимой ниточкой оказывался связан с моим настоящим. И будущим. Все имело свою причину и свой смысл. Абсолютно все.

Чтобы снова прожить эту жизнь, чтобы понять всю ту мудрость, которую я почерпнула на своем пути, все те уроки, которым меня научила жизнь... Чтобы снова пережить все те моменты триумфа и победы, радости и счастья, а также неудачи и опасности, обо всем я хочу рассказать вам в этой книге.

Я благодарна всему, что было в моей жизни. Всем испытаниям. Всем тем людям, которые появлялись на моем пути, что бы они ни несли мне.

Я благодарна.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СНЕГ

Снег, снег, снег! Сыпал и сыпал, как из бабушкиной подушки, засыпал весь двор, всю дорогу до школы, весь Барабинск и весь мир!

Мы с Верой наскоро оделись и выбежали на улицу.

Папа, папа должен был сегодня вернуться из поездки! И мы непременно должны первыми встретить его! Там, на вокзале, на нашем секретном месте, которое папа всегда высматривает из своей кабины!

Секретное место — у поворота, где локомотивы сбрасывают ход. Здесь пахнет дегтем и горячим железом. Мне очень нравится этот запах. Мне кажется, что он теплый и какой-то надежный. И зачем взрослым еще какие-то сладкие, липкие, лживые цветочные ароматы?

Барабинск, в котором мы жили, был типичным провинциальным городом. Стратегически важный железнодорожный узел Западной Сибири — вот основная цель его существования, да и причина того, что он считался, собственно, городом.

Папа работал машинистом товарного электровоза. Удивительно, кстати, но я сейчас вспоминаю и понимаю — ведь я так ни разу и не покаталась в кабине!

У меня и Веры — своя секретная сигнализация для папы. Украдкой помахать ему рукой. Три

СНЕГ

взмаха — все прекрасно, все просто чудесно. Два — мы скучали по тебе. Один — опять двойка, не сердись. Папа всегда машет в ответ три раза.

Но в этот раз папин поезд не прошел мимо секретного места. И через полчаса не прошел. И еще через полчаса. Он был в Новосибирске. До вечера.

Нам с Верой было обидно. Обидно до слез.

Возвращаться домой? Да, конечно, не бродить же весь день тут без обеда, по снегу и льду. Но не так скоро, не так скоро!

Вера водила рукой по засыпанным снегом перилам. А потом вдруг скатала хрупкий снежок и запустила им в меня. Это наглость! Я ответила ей сразу двумя! Снежки лопались, не долетая, осыпая нас белой невесомой пылью.

— Давай в поезда? — предложила Вера.

И мы побежали ниже, к оврагу, где поезда всегда замедляли ход!

Снежки летели, как маленькие гранаты. «Чпух!» — на металлических боках распукались белые снежные цветы.

Машинисты улыбались, приветственно помахивая руками. Некоторые из них знали нас, Иролку и Веру, знали о секрете наших трех махов — и говорили: «Да, да, у нас все отлично!»

Другие были незнакомцами — но тоже улыбались, глядя на засыпанных снегом девчонок.

Этот поезд вывернул очень тихо, плавно и даже как-то внезапно. Он был из новых — и свежая краска сверкала на ярком зимнем солнце.

Рядом с машинистом сидел мальчишка. Наш ровесник. Он был серьезен не по годам, пристально вглядываясь вдаль. Увидев двух девчонок, он

поджал губы — и дал длинный, продолжительный гудок.

А потом не выдержал — и рассмеялся.

Мама меня звала Иролкой.

Никто не знал, откуда у неё такое инопланетянское имя появилось. Ирина, Ира, Иролка...

«Ой, — говорила мама. — Иролка у меня такая молчунья была, когда родилась. Могла в коляске лежать часами молча и не то что не плакать, а даже каких-то знаков не подавать. Подходишь и думаешь — живая, не живая? Я всегда её теряла. Выйду во двор, смотрю — её нет нигде. Зову-зову... „Ира, ты где?“ Пока не дозовешься, она не появится. Да и то — тихо-тихо, молчит и смотрит. Как кошка смотрит, мол, ну и чего звали-то?»

Сестренка Вера старше меня на два года. Мы невероятно разные — нас сложно и принять-то за сестер: так, подружки. Верочка — хорошенькая, как куколка, хоть бери и в кино снимай. Я же мало того, что на лицо совершенно обычная, так еще и длинный нос. С горбинкой!

Мама, смеясь, вспоминает, как папа получал меня из роддома. Как заглянул в кулек, озабоченно наморщил лоб, потом заглянул еще, долго смотрел и, наконец, разочарованно сказал: «Ну-у... Страшненькая-то какая... Ну что, покрасивее не могла родить, что ли? Длинноносая... А вот Верочка у нас...»

И так все детство: Верочка — «куколка», «пупсик», «ути-пути», а я — «ну-у-у». Но... Меня это не обижает. Совершенно,нисколько, ни капли не обижает. Да — Верочка куколка, а у меня нос. Но это мой нос!

Но не ищите у меня сейчас эту горбинку. Она исчезла много лет назад, когда один из танцоров, неловко повернувшись, разбил мне нос. Была боль, и много крови, и врачи, и операция по выправлению... Горбинка исчезла, ушла, покинула меня. Но все равно — это мой нос.

Несмотря на то что профессия «машинист электровоза» была престижной в провинциальном городке, денег всегда не хватало. Это нестрашно — в те годы так жили очень многие, как-то выживали, перебивались случайными заработками, питались со своего огорода. Мало кто жаловался — ну да, жизнь была такая.

Я же больше всего переживала, что не могу одеваться модно и красиво. А вы представляете, как это важно для девчонки? Это сейчас есть любые вещи — на любой вкус и кошелек. Если нет возможности купить бренды — вот вам подделки в десять раз дешевле. А тогда этого не было. Вещи делились на красивые и модные — и нет.

У нас в семье вся новая одежда доставалась сестренке Вере. А я... я арендовала у неё! То рейтузики в школу возьму, то олимпийку — похвастаться. Разумеется, это налагало и определенные обязательства: носить нужно было аккуратно, о том, чтобы поставить пятно или порвать и речи не было. Ну как так-то — если вещь чужая?

Я уже лет в пять задумалась: что можно? что нельзя? почему я живу на этой земле? почему меня родили? как так я появилась именно в этом месте? для чего? Это был не единственный раз — я задумывалась об этом постоянно, пытаюсь разобраться в себе и в окружающем мире. Видимо, именно так и проявился, и проснулся мой философский склад ума.

Черты характера, что были заложены в нас с детства, все то, что было в нас еще с рождения, следуют за нами на протяжении всей нашей жизни.

Сколько я себя помню, у меня всегда были какие-то тайнички, места, где я могла спрятаться, побыть наедине сама с собой. В детстве это был чердак, на котором лежали любимые книжки, сейчас — комната для медитации, для йоги... В которой тоже лежат книжки. Самые важные, самые нужные, самые дорогие для меня, которые я никому не даю, — ведь все мы прекрасно знаем, что девяносто пять процентов людей книги не возвращают!

Детство... детство... Я часто размышляла, жалея на свою детскую тяжкую, как мне казалось, жизнь, что наверняка есть другие лучшие миры, где девочек не заставляют ходить за водой или ухаживать за скотиной, и когда-нибудь я там обязательно окажусь. Увы, сейчас я понимаю, что лучший мир — счастливый и беззаботный — это и есть наше детство. И дорога туда для нас закрыта навсегда... Остаются лишь радости, надежды и страхи.

Страхи. Они идут с нами всю жизнь, иногда оживая и вырастая так, что проглатывают всю нашу Вселенную вместе с нами.

Тогда я еще не знала, что страх — это прежде всего природный инстинкт. Представьте себе, что было бы, если бы человек был лишен чувства страха: он мог бы без колебаний прыгнуть с 20-го этажа, например... В определенной степени страх является естественной и необходимой реакцией, он выполняет защитную функцию. Но, как говорил Джавахарлал Неру: «Все хорошо в меру». Тогда я еще не знала ни Неру, ни этой поговорки.

Я имею в виду разрушительный страх, говорю о том чувстве, которое ограничивает нашу свободу, страхе необоснованном и порой даже нагнетаемом самим человеком. Непомерный страх опасен тем, что распространяется и усиливается, если не поставить ему заслон. Страх превращает человека в муравья, делает его глупым и слабым. И если человек не будет бороться со страхом, то настанет день, когда страх начнет определять его жизнь.

” Мама, смеясь, вспоминает, как папа получал меня из роддома. Как заглянул в кулек, озабоченно наморщил лоб, потом заглянул еще, долго смотрел и, наконец, разочарованно сказал: «Ну-у... Страшненькая-то какая... Ну что, покрасивее не могла родить, что ли? Длинноногая... А вот Верочка у нас...»
И так все детство: Верочка — «кукол-ка»...

“

От страха страдают сейчас очень многие. Я готова поспорить, что у каждого из вас есть свой страх. У кого-то больше, у кого-то меньше, но он точно есть. И вы с ним боретесь. Постоянно. Даже не замечая этого.

2020. Многие из нас научились довольно ловко скрывать свои страхи, но, к сожалению, по статистике, большинство вынуждено все же прибегать к помощи психофармацевтических средств. Если бы я тогда все это понимала, то спросила бы себя: «А чего же ты боишься, Ира?»

Когда впервые проявился этот страх, была ли для этого определенная причина?

Ты считаешь себя трусихой?

Когда у тебя возникает чувство страха?

В каких ситуациях твой страх проявляется слабее или сильнее?

Как проявляется у тебя это чувство страха?

Что ты делаешь обычно, чтобы перебороть чувство страха?

Спросила бы вот так себя — и вуаля! Легко бы научилась сразу избавляться от этого чувства. Я не знала тогда, что не надо маскировать чувство страха, принимаясь за какие-либо дела, не надо пытаться подавить в себе это чувство. Надо было просто отнестись к страху как к факту и ответить на все эти вопросы самой себе еще до того, как возникнет страх, не позволить ему проявиться.

По сути, ничего этого не понимая, я смогла перебороть свой страх, просто уяснив для себя, что избавиться от него можно таким же образом, каким вы позволили ему овладеть собой. Возможно, вам неизвестен механизм действия страха, и вы просто пустили дело на самотек, позволяя разрушительным мыслям все больше и глубже укореняться в вашем подсознании.

Если вы не будете влиять на себя сами, то это сделают за вас другие. Если вы не позаботитесь о том, чтобы ваше подсознание наполнялось положительным содержанием, то в него бесконтрольно хлынут потоки всякой всячины. Ведь вы же не едите все подряд, а относитесь к пище избирательно. Почему же вы с меньшей тщательностью относитесь к выбору духовной пищи?